

УДК 930.1

В.В. Миронов

Б. БУЗАН И АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена изучению роли известного международника Б. Бузана в развитии Английской школы международных отношений последних 20 лет. Выделяются важные факторы биографии ученого, анализируются проблемы применения теоретических положений школы к истории международных отношений, исследуется попытка включения наработок международной политической экономии в концепцию Английской школы, рассматривается необходимость дальнейшей теоретической разработки понятия «мировое общество».

Ключевые слова: Английская школа международных отношений; международное общество; мировое общество; Б. Бузан.

Английская школа международных отношений начала формироваться в 1950–1960 гг. Историки Г. Баттерфильд, М. Уайт, А. Уотсон, М. Ховард, философы Д. Маккиннон и Х. Булл принимали активное участие в создании этой школы. Понятие «мировое общество» стало символом и отличительным знаком данного сообщества благодаря работам Хедли Булла в 1970-х гг. Но к концу XX в. развитие Английской школы столкнулось со многими трудностями объективного и субъективного характера. Как результат, школа оказалась разделенной на два крыла – плюралистов и солидаристов. Плюралисты продолжили традиционную линию изучения международных отношений, понимаемых как международное общество. Солидаристы включили в теорию Английской школы новые проблемы международной жизни, иначе рассматривали перспективу развития международных институтов и возможность появления мирового общества. Споры между солидаристами и плюралистами не завершены и сегодня, а критики концепции международного общества уже в конце XX в. заговорили о кончине Английской школы [1. Р. 185–206].

Имя Барри Бузана хорошо известно в современном научном мире. Его научное творчество демонстрирует относительно редкий пример того, как можно заслужить мировое признание, работая на периферии теоретического мейнстрима изучения международных отношений. В конце XX в. он получил широкую известность как один из создателей Копенгагенской школы безопасности [2]. Ряд его работ признается ярким примером современного конструктивистского подхода к международным отношениям [3]. Некоторые из китайских международников отмечают его приверженность к неореализму [4. Р. 453–454]. Его творчество демонстрирует возможности работы в разных теоретических ипостасях. При этом в последние пятнадцать-двадцать лет ученый выступает и знаковой фигурой для понимания ряда тенденций развития Английской школы международных отношений. Цель данной статьи состоит в попытке определения вклада ученого в развитие и популяризацию идей Английской школы международных отношений в настоящее время.

Некоторые биографические данные об исследователе помогают прояснить и ряд важных характеристик изучения самой школы. Барри Гордон Бузан родился 28.04.1946 в Лондоне. В 1954 г. его семья переезжает в Канаду, где будущий международник по-

лучил базовое образование. В 1968 г. он получает магистерскую степень в университете Британской Колумбии (Ванкувер). Продолжает он свое образование в Лондонской школе экономики и политических исследований, где в 1973 г. защищает диссертацию и получает степень доктора философии. Его образование, как и научные взгляды, формировались, таким образом, в условиях свободного перемещения по англоязычной ойкумене, а сам он получил классическое британское образование.

Лондонская школа экономики сыграла важную роль в его научном становлении. Ряд ученых выводят истоки Английской школы именно из кафедры международных отношений, созданной в данном вузе еще в межвоенный период. Однако сам факт его обучения в этом университете вовсе не выступает показателем автоматической принадлежности ученого к Английской школе международных отношений. Лондонская школа экономики и политических исследований была и остается в значительной степени уникальным научным и образовательным проектом для Великобритании. Школа, созданная по инициативе Сидни и Беатрис Уэбб при участии Д.Б. Шоу в 1895 г. в первой половине прошлого века быстро стала одним из престижных в стране университетов, обеспечивающим воспроизводство научной и политической элиты. В годы, последовавшие за Второй мировой войной, школа трансформировалась в престижный центр получения экономического образования в мировом масштабе. В области экономических наук 16 нобелевских лауреатов по экономике либо обучались, либо преподавали в этом вузе. На сайте данного учебного заведения также отмечается, что 37% глав государств и правительств в XX в. так или иначе были связаны с вузом [5].

Видимо, здесь в 1970-е гг. Б. Бузан только начал знакомиться с некоторыми идеями Английской школы, хотя и не был членом Британского Комитета по изучению международной политики – основной площадки развития данного научного сообщества в тот период. Научная карьера Б. Бузана в последней трети XX в. демонстрировала удачные примеры участия в различных исследовательских проектах, не связанных с Английской школой международных отношений. С 1988 по 2002 г. он работал в качестве руководителя проекта по безопасности в Копенгагенском институте изучения проблем мира. С 1988 по 1990 г. он выступал в роли Председателя Британской ассоциации

международных исследований – влиятельного объединения международных, работающих в Соединенном королевстве [6]. Ассоциация, созданная по инициативе ряда видных специалистов в начале 1970 гг., с 1975 г. начинает выпускать Британский журнал международных исследований, который и сегодня выполняет объединяющую роль для многих английских международных. В известном смысле профессор Б. Бузан также использовал эту площадку и для популяризации идей Английской школы в рамках научного сообщества английских исследователей международных отношений в дальнейшем.

В 1993–1994 гг. он становится вице-президентом Ассоциации международных исследований, получая признание за рубежом Великобритании. Эта ассоциация была создана в 1959 г. для объединения усилий в изучении и научного взаимодействия исследователей международных отношений разных стран. В 1998 г. Б. Бузан становится членом Британской Академии. За свою научную и образовательную карьеру Бузан работал в ряде университетов Великобритании, Японии и Китая. В контексте заявленной темы принципиальным представляется период 1999–2011 гг., когда ученый выступал главным координатором проекта по возрождению теории Английской школы международных отношений. Таким образом, несмотря на многоплановость деятельности ученого, нет сомнений в том, что в последние два десятилетия Барри Бузан предпринял ряд важных шагов по целенаправленному развитию теории Английской школы. Отметим и проанализируем его усилия на следующих ключевых направлениях.

Одной из центральных задач современного развития данного сообщества Б. Бузан считает разработку концепта «мировое общество» в триаде ключевых понятий Английской школы. Он отмечает, что этот термин – одно из наиболее проблемных понятий в общей концепции школы. Фокус внимания исследователей был сосредоточен на «международном обществе», дискуссиях о различиях между «международным обществом» и «системой государств», в силу чего «мировое общество» оставалось общепринятым, но маргинальным термином Английской школы вплоть до 1990 гг.

Концептуальный анализ «системы государств» обеспечил развитие исследуемого научного сообщества в общем теоретическом поле изучения международных отношений в 1960–1970 гг. Это хорошо понимали Хедли Булл и Адам Уотсон в период руководства Британским комитетом по изучению международной политики в 1970 гг. Здесь открывалась возможность если не синтеза, то диалога между американским реализмом и исторической рефлексией международных отношений в исследованиях Английской школы.

С работ Х. Булла в конце 1970-х – начала 1980-х гг. понятие «международное общество» вытесняло «систему государств» из центра школьной концепции. Именно «международное общество» воспринималось отличительным маркером «национального» подхода Английской школы. Его разработка позволила создать собственное комплексное пред-

ставление о международных отношениях в истории и современности, не порывая при этом с общей логикой изучения международной системы. Однако попытки определения границ между «международным обществом» и «системой государств», «международным» и «мировым обществом» породили в 1980–1990 гг. острые внутренние дискуссии в школе между плюралистами и солидаристами.

В этих обстоятельствах произошло осознание того, что «мировое общество», как третий компонент общей концепции школы, оказывалось наименее проработанным теоретическим понятием, а сам термин воспринимался синонимом универсального космополитизма в международных отношениях внутри сообщества. Многим из числа школьников термин казался олицетворением кантианской традиции, по терминологии М. Уайта, в осмыслении международных отношений, показателем будущего формирования некоего универсального сообщества индивидов. Но коль скоро в центре предмета международных исследований находились государства, то индивиды, иные негосударственные участники международных отношений не рассматривались как значимые игроки в истории и современной международной системе. Как результат, «мировое общество» было своего рода «мусорным ведром» для всего того, что не вмещалось в практику межгосударственного взаимодействия внутри концепции школы.

С позиций Б. Бузана «мировое общество» – принципиальный элемент всей конструкции Английской школы [7. Р. 11–13]. Его разработка позволяет уйти от понимания международных отношений на рубеже двух веков только как эквивалента американского доминирования. Кроме того, концептуализация термина обеспечивает связку теоретических исканий Английской школы с мировыми дебатами о глобализации в современности. «Мировое общество» для Б. Бузана – это не столько уайтовское прочтение кантианской традиции, не только то, что должно возникнуть в международных отношениях в будущем – в финале существования общества международного, но самостоятельная повестка изучения социального пространства в международных отношениях в истории и современности [8]. Усиление в начале XXI в. солидаристского крыла в Английской школе, к которому Б. Бузан стал в последних работах относить и себя, показывает направление общей трансформации международных институтов, отражающих перемены в социальной структуре современного мира, где третий из базовых терминов школы дает ключ к пониманию логики протекания новых процессов.

Один из российских политологов, которого заинтересовала работа британского международного, в таком прочтении «мирового общества» увидел кризис политической модели неолиберального регулирования в международных отношениях на рубеже двух веков. Возникновение гипотезы Б. Бузана он объясняет попыткой уйти от ценностей сложившегося теоретического мейнстрима, включив в теоретико-методологический багаж современной науки некоторые из установок неореализма [9. Р. 143–147]. Развивая эту логику далее, можно предположить, что «ми-

ровое общество» при таком подходе выступает темой для диалога разных традиций изучения международных отношений по обе стороны Атлантики. Оно объединяет нормативный подход Английской школы и установки структурного реализма на разных уровнях изучения международной жизни.

Таким образом, гипотеза изучения мирового общества – это вариант синтезирования различных сторон социального пространства в проекции на современные международные отношения. Барри Бузан по-прежнему стремится сохранить роль Английской школы в качестве *via media* между различными направлениями в теории международных отношений, концептуализируя новое поле объекта изучения. Исследователь, безусловно, оказывается прав в том, что понятие «мировое общество» находилось на периферии внимания школы, а уайтовское прочтение термина через кантианскую традицию международной политической мысли не лишено недостатков. Оно перестало отвечать потребностям изучения современного глобального мира и процессам интернационализации знания о международных отношениях. Кроме того, тему мирового общества Б. Бузан одним из первых осмысливает не только через английский солидаризм внутри школы, но и через более широкие (транснациональные) рамки изучения международных отношений в мировой науке: появление новых акторов, изменение структуры и институтов современного мира.

Другим важным направлением работы по развитию подхода школы у Б. Бузана выступает стремление к широкому историческому осмыслению международных отношений. Историческая направленность работ по международным отношениям была свойственна Английской школе изначально. Это объясняется сильным влиянием историков Г. Баттерфильда и М. Уайта на работу первых поколений школьников в 1960–1980-х гг., критикой Х. Буллом так называемого сциентистского подхода к международным проблемам, свойственного американской науке. В дальнейшем эта линия в школе была продолжена А. Уотсоном в 1980–1990-е гг., а сегодня многие полагают, что историческая социология международных отношений – характерная черта Английской школы в целом. В этой связи обращает на себя внимание самый масштабный на сегодняшний день проект внутри школы, написанный совместно с Ричардом Литтлом «Международные системы в мировой истории» [10].

Б. Бузан обращает внимание на недостаточное с его точки зрения внимание к диалогу между историками и сторонниками концепции международного общества. Важным следствием такой ситуации выступает констатация необходимости углубленного исторического изучения международных отношений. Парадоксальным образом международники в начале XXI в. пытались вернуться к вопросу, который в начале 1960-х гг. для английских ученых сформулировал Эдвард Х. Карр: «Что есть история?» [11]. Разные поколения английских исследователей отвечали на него по-разному. Не исключение из этой ситуации и Английская школа с ее склонностью к историческому изучению международной политики. Уже Ч. Мэннинг, хотя и считал международные отноше-

ния самостоятельной наукой, но признавал необходимость исторического знания в их основе. М. Уайт, с его идеей о международных отношениях как «царстве повторов и репетиций», считал, что изучение международных отношений – это симбиоз знаний международной политической теории и умений исторической интерпретации фактов. Признавал существенное значение истории и Х. Булл, несмотря на свою склонность к философскому дискурсу и институциональному подходу к международным отношениям. История для него была своего рода противовесом безграничному сциентизму, который он активно критиковал с 1960-х гг. Фред Нортейдж одну из целей создания журнала «Миллениум» в Великобритании видел в обсуждении фундаментальных исторических вопросов изучения международной жизни, что отличало изучение международных отношений в Великобритании от США, где они рассматривались как часть политической науки.

Современные международники истоки проблемы недостаточного изучения истории в международных отношениях справедливо усматривают в том, что с течением времени прекратился диалог между историками и сторонниками теоретического их изучения. Стремясь к его возобновлению, Б. Бузан и Р. Литтл признают, что представление об исторической науке как о механическом процессе нанизывания фактов на общую нить нарративного повествования недооценивает комплексный характер работы историка. Однако и попытки адаптировать разнообразные подходы, которые предлагают сторонники теоретического изучения международных отношений, часто не принимаются научным историческим сообществом [10. Р. 30]. Для историков подобные обобщения слишком широки и категоричны, чтобы схватывать существо многообразных исторических явлений и процессов. В результате на одном конце шкалы исторического восприятия достижений теории международных отношений находятся позиции историков-всеобщников, которые принимают общую картину развития мира через международные системы, а на другом конце – историки, скептически относящиеся к любым теоретическим обобщениям.

Исходя из такого понимания, Б. Бузан и Р. Литтл предлагают собственную историческую периодизацию международных систем, которая может стать основой для диалога с историками-всеобщниками:

1. 60–40 тыс. лет до н.э. – период домеждународных отношений. Ключевыми участниками внешних процессов здесь были группы охотников-сборителей, которые заложили основы межгрупповому взаимодействию.

2. X–VI тысячелетие до н.э. – начало перехода к оседлости и земледелию. Этот процесс породил систему относительно постоянного проживания, изменил родоплеменную структуру общества, стал основой для протогосударственных форм социальной организации.

3. IV–III тысячелетие до н.э. – период появления самостоятельных государственных образований. Здесь уже можно говорить о зачатках появления системы в международных отношениях. Выделяется с

позиции исследователей эпоха 2000–1700 гг. до н.э., когда формируются так называемые мировые империи на Востоке, и эпоха 1000–800 лет до н.э., когда наблюдается рост значения кочевых государств.

4. V–VI в. новой эры стали точкой формирования европейской экономической системы международных отношений классического периода. Речь идет о генезисе феодализма в Европе, сформировавшим специфическую экономику и общее представление о европейской цивилизации.

5. Новое время. Оно начинается для авторов книги около 1500 г., когда формируется новое представление о государстве как участнике международных отношений в Европе и начинается формирование глобальной системы за счет усиления способности к взаимодействию между Европой, Азией и Америкой. В экономическом отношении исследователи говорят о начале эпохи капитализма [10. Р. 405].

Внутри этих больших исторических периодов также могут быть выделены вторичные международные системы. Так, рубежным моментом для новой истории международных отношений в социетальном смысле выступал 1648 г., когда стала формироваться новая социальная структура международных отношений в Европе. Другой такой точкой, по мысли исследователей, был 1850 г. – приблизительно дата начала промышленной революции. Она изменила способность участников международного общества к взаимодействию и закрепила преобладание Европы в международных делах на еще одно столетие. Еще один важный рубеж – 1900 г. – завершение формирования капиталистической системы в терминах соперничества великих держав. 1945 г. – наступление эпохи структурной биполярности в международных отношениях, что рассматривается исследователями как специфический этап в формировании современного глобального общества. Завершает внутренние деление истории международных систем нового времени период, начавшийся после 1989 г. Это точка движения от военно-политической к экономической и, более широкой, секторальной повестке в современных международных отношениях [Ibid. Р. 406]. При таком подходе история европейского международного общества трактуется как важный, но отнюдь не центральный компонент системного понимания истории международных отношений. Тогда связь между историей и теорией международных отношений выглядит как сущностный момент, без которого невозможно понять внутреннюю логику изучения всей международной жизни. Дело не в хронологии, которая дает историю теории, и даже не в адаптации понятия «международная система», которая позволяет теоретически привести к общему знаменателю разные тенденции исторического развития, но в необходимости синтеза этих начал для понимания исторического своеобразия систем в международных отношениях.

Таким образом, формирование современного государства изменило общий исторический характер протекания международных процессов. Изначально европейская модель организации политической власти оказалась замкнутой на институтах территориальности и суверенитете, а национализм XIX в. привнес

новые элементы в международную политику. В XX в. демократические политические режимы стали новым вектором эволюции европейского национализма. Авторы монографии признавали фашизм и коммунизм альтернативными вариантами развития национализму [10. Р. 253]. Думается, что в подобной оценке все же наблюдается смешение форм политической идеологии с типами государственного режима. Национализм не с неизбежностью порождал демократический политический режим, а фашизм и коммунизм как виды политических идеологий были не единственными альтернативами национализму как идеологии современного государства в истории XX в. Тем не менее историческая социология Бузана, как и его прочтение эволюции институтов международного общества, продолжают и углубляют общий исторический вектор развития теории Английской школы в XXI в.

Третьим важным направлением творчества Б. Бузана на современном этапе развития Английской школы стало изучение экономической проблематики международных отношений. Недостаточное внимание к этому разделу международной жизни относится к числу часто встречаемых критических замечаний в адрес данного сообщества международников. Действительно, внутри концепции международного общества экономической повестке уделялось мало внимания. Общая практика школы развивалась вокруг исследования военных и политических аспектов отношений между государствами. Впрочем, это недостаток не только данного научного сообщества, но и всей международной теории в XX в. Две мировые и холодная война заставляли концентрировать внимание на жесткой повестке безопасности. Развитие секторального подхода к международным отношениям, заложенное еще в работе 1983 г. и развитое в рамках копенгагенского проекта, заставило Б. Бузана со временем уделять значительное внимание экономическому срезу международных отношений.

В «Международных системах в истории» исследователи попытались проследить этапы формирования транснациональных фирм в качестве акторов международных отношений, справедливо замечая, что влияние экономических участников на международные процессы носило нарастающий характер. Генезис данного типа участников международной жизни Барри Бузан видит в торговых контактах античного и, особенно, классического в его понимании периода истории [Ibid. Р. 267]. Под классическим периодом понимается время, характерное для раннего и классического Средневековья, т.е. приблизительно V–XV в. европейской истории.

В средневековый период исследователь выделяет две модели становления транснациональных корпораций, которые он называет «северная» и «южная». Для северной модели формирования ТНК были характерны так называемые хартийные интересы. Они заключались в том, что более или менее организованные группы предпринимателей в складчину объединяли свои капиталы и заключали договор (хартию, устав) ради продвижения общих коммерческих интересов, которые со временем стало признавать и государство. Характерными примерами такого рода фирм

были Ост и Вест-Индская компании в Англии и Голландии, Компания купцов-авантюристов, Московская компания, созданная для торговли с Россией, Балтийская и Левантийская компании XVI в.

Южная модель, напротив, возникала непосредственно при поддержке и покровительстве государства для связи между колониями и метрополией. Здесь коммерческие интересы предпринимателей изначально были вплетены в политические интересы государства. Испания и Португалия предпочитали назначать в колониях вице-королей, в задачи которых входила и поддержка купцов. В целом этому же пути следовала и Франция, но она также использовала и дарованные привилегии компаниям при осуществлении колониальной политики.

В целом тогда можно говорить об иберо-французском и англо-голландском пути возникновения транснациональных фирм, которые со временем привели к появлению международных корпоративных норм предпринимателей в формирующейся системе государств нового времени [10. Р. 268–270]. Б. Бузан в этой работе не до конца раскрывает данный тезис. Речь, видимо, идет о формировании неких норм корпоративной идентичности, как и о том, что в средневековом праве называлось фиктивное, или воображаемое, лицо (*persona ficta*), из которого в дальнейшем выросло фундаментальное для частного права понятие юридического лица, об этических нормах европейских отношений между властью и предпринимателями.

Другим аспектом исследования экономической повестки для Б. Бузана стал анализ отношений между меркантилизмом и политикой свободной торговли в истории и современности. В изучении данной темы исследователь, напротив, демонстрирует навыки сравнительно-исторического и политического анализа, умение учитывать в теоретическом исследовании страноведческую и конкретно-историческую специфику. Так, в основе представлений об отношении двух этих типов экономической политики, по мысли Барри Бузана, лежит идея конфликта, порожденная государственной экономической политикой XVIII–XIX вв. Протекционизм как инструмент меркантилистской политики делал легитимным способом защиты рынка войну, в то время как фритрейдерство открывало дорогу мирному развитию отношений между государствами [12. Р. 2].

В основе такого упрощенного представления, по мнению ученого, лежала идея Pax Britannica XIX в. с ее акцентом на либеральные ценности викторианской эпохи. Провозглашение Великобритании «империей, в которой никогда не заходило солнце», отражало не конец эпохи меркантилизма и торжество политики свободной торговли, а завершение огромного исторического периода формирования колониальных держав. Конфликты в международных отношениях, порожденные в том числе экономической, никуда не ушли. Они стали переходить на качественной иной уровень. Поэтому некоторый упадок силового регулирования в международных отношениях исследователь связывает не с фритрейдерством, но с более широким кругом факторов и не только экономического характера. В частности, среди этих факторов, способствующих

снижению роли войны в международных отношениях во второй половине XX в., он выделяет возникновение ядерного оружия, которое делает применение силы весьма рискованным делом [12. Р. 8]. Тогда взгляд на меркантилизм в современных условиях как на агрессивную форму экономической политики государств выступает не до конца обоснованным. Кроме того, в современных отношениях, распространен гибридный вариант меркантилизма, содержащий в себе и либеральный протекционизм, позволяющий избегать форм агрессивной адаптации экономических интересов к международным отношениям [Ibid. Р. 14].

Существо проблем современного экономического либерализма ученый видит в том, что сегодня либеральная экономика должна для своего успеха суметь организовать себя в глобальном масштабе. А современный уровень политической самоорганизации международного общества до этого явно не дотягивает [Ibid. Р. 18]. Тогда экономический либерализм, как и меркантилизм, может быть миролюбивым в равной степени, как и воинственным.

Таким образом, указанные идеи дают представление о решении Б. Бузаном небольших и важных научных задач, которые бы способствовали поиску балансов между военно-политической и экономической повесткой внутри предложенного автором секторального подхода к международным отношениям. Внутри Английской школы этот проект далеко не завершен. Он не может быть сопоставим по значению и с разработанным системным уровнем изучения международных отношений, который нашел отклик в мировой науке. Однако сделаны первые осторожные шаги по включению наработок международной политической экономии в традиционную практику исследований Английской школы. Данное обстоятельство помогает преодолевать традиционно вменяемые научному сообществу недостатки и также позволяет говорить о новом этапе развитии школы в условиях XXI в.

Еще одним важным и, пожалуй, наиболее на сегодняшний день известным направлением работы Б. Бузана остается комплекс вопросов, связанных с изучением региональной проблематики в международных отношениях. Этот долгосрочный этап (1988–2002) изначально был связан с его работой в качестве руководителя проекта в Институте изучения проблем мира в Копенгагене. После публикации ряда изданий в рамках данного проекта заговорили о появлении Копенгагенской школы и формировании своеобразной концепции региональной безопасности в мировой науке. Основные контуры данной концепции изложены в следующих работах: Бузан Б. «Люди, государства и страх» (1983) [13], коллективной монографии «По безопасности» (1995) [14], исследовании Бузана, Вэйвера, де Вильде «Безопасность: новые рамки анализа» (1998) [2]. Данный перечень работ и имен исследователей Копенгагенской школы не является исчерпывающим. Сами авторы концепции приводят более внушительную библиографию собственных трудов и работ своих последователей. Наиболее любопытные попытки применения данной концепции можно найти в работах «Державы и регионы» [3] и коллективном исследовании «Региональные порядки.

Строительство безопасности в новом мире» [14]. Впрочем, в области практического применения концепции региональной безопасности последние две работы являются скорее полемизирующими друг с другом, нежели совпадающими в итоговых результатах и оценках. Важно, что европейские конструктивистские подходы получили отклик и признание в Америке. Парадоксально, но укрепление конструктивистского подхода способствовало признанию и востребованности идей Английской школы в Америке.

В центре выделения региональных подсистем в международных отношениях находится понятие «региональный комплекс безопасности». В работе Б. Бузана «Люди, государства и страх» 1983 г. региональный комплекс безопасности (РКБ) определяется как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [13. Р. 106]. Практически в том же виде данное определение присутствует и через 15 лет в работе «Безопасность: новые рамки анализа» [2. Р. 201]. Здесь очевидна близость определения Б. Бузана к понятию «международное общество», как его понимали Х. Булл и А. Уотсон в 1980-е гг.

С приведенным определением РКБ в целом оказались согласны и конструктивисты по другую сторону Атлантики. Дэвид Лейк писал, что «Региональный комплекс безопасности – совокупность государств со значительным и особенным комплексом отношений по вопросам безопасности, который обеспечивает участникам высокий уровень взаимозависимости» [14. Р. 25]. Сомнения калифорнийских ученых касались не столько самого определения, сколько понимания компонентов комплекса. Критика Копенгагенской школы американскими авторами в конце прошлого века исходила из того, что ряд критериев, положенных в основу выделения РКБ, определялся темпоральной логикой протекания холодной войны. В частности, это отразилось на таком критерии РКБ, как полярность. По мысли Д. Лейка и П. Моргана, полярность не выступает необходимым атрибутом существования региональных комплексов безопасности, а сам подход Бузана и Вэйвера несколько устарел с уходом в прошлое биполярной системы.

Сложно сказать точно, в связи ли с критикой американских конструктивистов либо по иным мотивам, но в исследовании 2003 г. данное понятие было определено Б. Бузаном и О. Вэйвером несколько иначе. Под РКБ здесь понимается «группа участников, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации, (или же оба этих процесса вместе), настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников» [3. Р. 24]. Таким образом, изначальное определение, характерное и понятное для концепции международного общества, было скорректировано в пользу диалога с американскими конструктивистами. При этом региональные международные подсистемы не только секьюритизируются, что как раз было привлекательно для конструктивистов, но имеют и объективную структуру, которая включает 3–4 основных составляющих:

1. Внешние пространственные границы, которые отделяют РКБ от его соседей.

2. Внутренняя анархическая структура. Это означает, что комплекс должен состоять из автономных политических единиц.

3. Полярность, которая теперь понималась как распределение власти внутри комплекса.

4. Структуры «дружбы-вражды» [2. Р. 90; 3. Р. 27].

Декомпозиция региональных комплексов на уровне объективных структурных факторов была понятна скорее неолиберальным институционалистам и структурным реалистам, чем конструктивистам. Бузан вновь призывал к обсуждению частной гипотезы разные теоретические подходы и направления, а теоретическая платформа Английской школы оказывалась примиряющей позицией для подобного диалога. Такими способами он преодолевал сильное чувство исключительности Английской школы, сформировавшееся в Британском Комитете в 1960–1980-е гг., которое со временем привело к замкнутости британской теории на собственных концептах. Изолированность теории школы, а тем более, ее раскол к концу XX в. стали препятствиями для дальнейшего развития концепции и научного сообщества. Ученый своими работами менял формат существования теории Английской школы, заявляя о ее открытости новым темам, приверженности к разным подходам и сознательно призывая к диалогу по широкому комплексу вопросов международного взаимодействия. В условиях внутреннего раскола школы он делает концепцию международного общества востребованной частью мировой международной теории, соединяющей в себе новую конструктивистскую методологию и сохраняя, при этом, традицию изучения международных отношений через международные системы.

Таким образом, Барри Бузан выступает знаковой фигурой Английской школы международных отношений на современном этапе ее развития. Его творчество показывает важные грани дальнейшей трансформации данного научного сообщества. К числу наиболее показательных достижений ученого с точки зрения перспектив дальнейшего развития школы относится разработка концепта «мировое общество» как новой повестки в эволюции предмета изучения. Ему принадлежат важные шаги по адаптации наработок международной политической экономии к концепции международного общества. Он с успехом развивает модель системного подхода Английской школы в современных условиях. Он предпринял важные шаги по укреплению исторической социологии международных отношений как площадки для диалога между историками и представителями теоретического взгляда на международные отношения. Ему удалось мобилизовать внимание не только английских, но и ученых в ряде ведущих центров мира за счет применения новых конструктивистских подходов к анализу широкого спектра вопросов международной жизни. Пожалуй, он один из тех немногих европейских исследователей, к идеям которого прислушиваются в США.

В организационном отношении Б. Бузан сумел преобразовать относительно узкое научное сообщество, оказавшееся в конце XX в. в условиях некоторого

внутреннего раскола, в новый формат нескольких междисциплинарных проектов, открытых к диалогу с другими теоретическими традициями и отдельными дисциплинами изучения международных отношений. Он совершенно осознанно конвертировал свой научный авторитет в популяризацию идей школы. Благодаря развитию институционального подхода к международным отношениям, термин «британский институционализм» сегодня стал частью мировой науки международных отношений. Прикладные возможности, которые демонстрирует творчество ученого, заставляют

говорить о нем как об основателе различных научных сообществ. Однако все они не разрывают своей идейной связи с Английской школой. Более того, без анализа работ Б. Бузана 1980–2010-х гг., написанных в проблемных традициях Английской школы, невозможно понять ни современный конструктивизм в науке о международных отношениях, ни его прикладные аспекты в рамках Копенгагенского проекта, ни открытость школы к диалогу с историками, ни интерес к британской международной теории в современном мире от Америки до Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // *Review of International Studies*. 1981. Vol. 7, № 1. P. 185–206.
2. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. L., 1998. 240 p.
3. Buzan B., Waever O. *Powers and Regions. The Structure of International Security*. Cambridge, 2002. 387 p.
4. Xiaoming Zhang, Buzan Barry. *Debating China's Peaceful Rise* // *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. Vol. 3. P. 447–460.
5. Сайт Лондонской школы экономики и политических исследований // Electronic Resource (Mode of Access). URL: <http://www.lse.ac.uk/aboutLSE/keyFacts/home.aspx> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Сайт Британской Ассоциации международных исследований // Electronic Resource (Mode of Access): <https://www.bisa.ac.uk/index.php/past-chairs> (дата обращения: 12.11.2016).
7. Buzan B. *An Introduction to English School of International Relations: The Societal Approach*. Oxford, Polity Press. 2014. 231 p.
8. Buzan B. *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 295 p.
9. Соловьев Э.Г. Симптом усталости от «научного либерализма» // *Международные процессы*. 2005. Т. 3, № 8. С. 143–147.
10. Buzan B., Little R. *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 452 p.
11. Carr E.H. *What is History? The George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge January-March 1961*. 2nd ed. / ed. by R.W. Davies. Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Macmillan, 1986. 154 p.
12. Buzan B. *Economical Structure and International Security. The Limits of Liberal Case* // *International Security* / ed. by B. Buzan, L. Hansen. L., 2007. Vol. II. P. 1–25.
13. Buzan B. *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. L. : Harvester Press Group, 1983. 262 p.
14. *On Security* / ed. by R. Lipschute. N.Y. : Columbia University Press, 1995. 338 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 апреля 2018 г.

Barry Buzan and the English School of International Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 143–150.

DOI: 10.17223/15617793/438/19

Victor V. Mironov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vvm_512@rambler.ru

Keywords: English School of International Relations; international community; world community; Barry Buzan.

This article is devoted to Barry Buzan and his role in the modern development of the English School of International Relations (the School). The aim of the article is to demonstrate the main aspects and the problems of the School's theory at the turn of the 21st century. The sources for the study were the texts of published works by leading members of the School and by Buzan. The English School of International Relations was formed in the 1950s–1960s. Historians Herbert Butterfield, Martin Wight, Adam Watson, Michael Howard, philosophers Donald McKinnon and Hedley Bull took an active part in the creation of this school. The concept “international society” becomes a symbol and a distinctive mark of this community thanks to Hedley Bull's books of the 1970s–1980s. However, by the end of the 20th century, the development of the School faced with many objective and subjective difficulties. Barry Buzan is a famous and authoritative specialists in international relations in the world science. His research is generally recognized in the United States, China, and many European countries. His books demonstrate his abilities to work in different theoretical directions. At the same time, he is an important figure for understanding the main change in the School during the past 20 years. The results of his involvement in the English School theory are as following. (1) He supposes that the concept “world society” is an important part of the English School theory. Like two other principal elements of the general conception – “international society” and “system states” – the concept “world society” was key for Wight, Bull and other first members of the community; however, the content of the concept was uncertain. Buzan raises a complex of specific questions which define the content of the concept in the School's research program. (2) Buzan continues to study the history of international relations as an autonomous part of the School's agenda. He adapted the idea of an international system to the epoch before the Peace of Westphalia (1648). He continues the tradition of the School's writers (Wight, Watson), who thought that history was important part of the study of international relations. This position of the English School differs from the American discipline, in which international relations are traditionally considered as a branch of political science. (3) Buzan tries to include economic issues into the agenda of the English School theory. Ignoring economic problems in international relations is a traditional drawback of the international society concept. This part of his work is not complete, but he made first important steps in it. (4) Buzan makes a new organizational format for the School after the British Committee on the Theory of International Politics finished its work. The Committee worked for 25 years (1959–1985) and became the basis for the development of the two first generations of the English School of International Relations. Buzan made the concept of international society more open to discussions in modern science, more popular among specialists in international relations abroad. At same time, he preserved the bases of the English School theory. Thanks to his activity during the past 20 years, the English School of International Relations is considered as an autonomous part of the world theory of international relations today.

REFERENCES

1. Jones, R. (1981) The English School of International Relations: A Case for Closure . *Review of International Studies*. 7(1). pp. 185–206.
2. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Pub.
3. Buzan, B. & Waever, O. (2002) *Powers and Regions. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Zhang, X. & Buzan, B. (2010) Debating China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*. 3. pp. 447–460.
5. The website of the London School of Economics and Political Science. [Online] Available from: <http://www.lse.ac.uk/aboutLSE/keyFacts/home.aspx>. (Accessed: 10.11.2016).
6. The website of the British International Studies Association. [Online] Available from: <https://www.bisa.ac.uk/index.php/past-chairs>. (Accessed: 12.11.2016).
7. Buzan, B. (2014) *An Introduction to English School of International Relations: The Societal Approach*. Oxford: Polity Press.
8. Buzan, B. (2004) *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Solov'ev, E.G. (2005) Simptom ustalosti ot "nauchnogo liberalizma" [Symptom of fatigue from "scientific liberalism"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 3(8). pp. 143–147.
10. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International System in World History. Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
11. Carr, E.H. (1986) *What is History? The George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge January-March 1961*. 2nd ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan.
12. Buzan, B. (2007) Economical Structure and International Security. The Limits of the Liberal Case. *International Security*. II. pp. 1–25.
13. Buzan, B. (1983) *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group.
14. Lipschute, R. (ed.) (1995) *On Security*. N.Y.: Columbia University Press.

Received: 22 April 2018